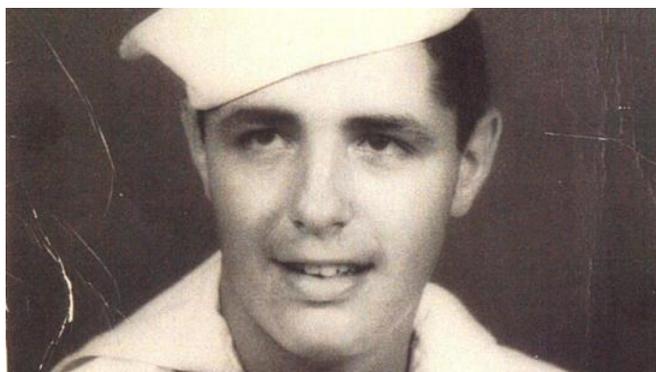

ИНТЕРВЬЮ С АМЕРИКАНСКИМ МОРЯКОМ ДЖЕКОМ ЮСЕНОМ, УЧАСТНИКОМ МОРСКОГО СРАЖЕНИЯ У ОСТРОВА САМАР В ОКТЯБРЕ 1944 ГОДА

Джек Юсен (Jack Yusen), 1926 – 2016

Джек Юсен, уроженец Нью-Йорка, в возрасте 18 лет принял участие в морском бою у филиппинского острова Самар, ставшего частью сражения, известного в истории ВМВ как сражение в заливе Лейте. Эсминец Samuel B. Roberts, на котором он служил, принял участие в атаке на превосходящие силы японцев, чтобы отвести удар от авианосцев, которые он прикрывал с другими эскортными кораблями. Его корабль был потоплен, но ему посчастливилось уцелеть...

Когда и где вы записались в вооруженные силы?

Мне было 17 лет. Я родился и вырос в пригороде Элмхёрст на Лонг-Айленде в 1926-м. Мне удалось попасть во флот, потому что у моего отца был хороший друг в призывной комиссии. Мой номер в призывном списке был все ближе, так что отец пошел переговорить со своим другом. Тот сказал отцу, что все, способные дышать, в ближайшие два месяца будут зачисляться в морскую пехоту. Отец передал мне, что если я буду дожидаться призыва, это будет то, что мне уготовано. Я этого не хотел. Я хотел служить на флоте, поэтому пошел на комиссию уже через несколько дней и записался в ВМФ.

Чем вас привлекал флот?

Брат моего отца служил на линкоре *Tennessee* в годы Первой Мировой войны. Он был мне не только хорошим дядькой, но и хорошим другом. Он мне много рассказывал о флоте и говорил, что, если я пойду в вооруженные силы, то должен стремиться попасть во флот.

Было ли у вас патриотические чувства, когда вы шли служить?

О да... Как и всех друзей, соседей, членов семьи. Тогда мы были очень патриотичны.

Вы покидали дом – по чему вы потом больше всего скучали?

Скучал по семье. У меня был младший брат, на 5 лет моложе меня, был квартал, где мы жили, соседские ребята. Но большинство из нас знало, что идти [на войну] так или иначе придется, и это было правильно. На это не смотрели, как на большое потрясение. У нас была работа, которую нужно было выполнить. Вы слышали это на каждом углу. Выполним свою работу, освободим мир и сделаем его снова безопасным.

Было ли какое-то противодействие этому со стороны родителей?

Нет. Они понимали, что пришла моя очередь. Как и все семьи в Америке, они знали, что мужья и сыновья должны идти на войну.

Вам было 17. Были ли у вас какие-либо планы, которые война сорвала?

Нет, в самом деле, не было. Все что мы слышали, было о войне, и между моим 14-ти и 17-тилетием все разговоры были о войне. Идешь в школу, и там все о войне. Когда мы оказались в состоянии войны в 1941-м, мы знали, что парни моего возраста окажутся там. Я рассчитывал на то, что окончу школу и продолжу свое образование, но, на самом деле, не знал, чем хотел бы заниматься [в будущем]. Это пришло ко мне уже после войны.

Я был матросом 2-го класса. Я работал на гидролокаторе, тогда таких называли *sound man* (акустик – ВК).

Вы оказались на эсминце *Samuel B. Roberts* в Бостоне. Что вам вспоминается о том моменте, когда вы впервые увидели свой корабль?

Мы жили тогда временно в казарме, ожидая назначения на корабль. Назвали мое имя и еще примерно 13 парней, потом мне сказали: «Ты отправляешься на *Samuel B. Roberts*, эскортный эсминец. Собирай вещи и отправляйся.»

Грузовик отвез нас к бостонской военно-морской судовой верфи (Boston Navy Yard). Подъехав к ней, мы увидели большой, просто огромный корабль в сухом доке. Это был британский крейсер, но мы этого не знали. Мы увидели большие орудия и подумали было, что это наш корабль. Парень, который вез нас, сказал: «На что это вы уставились, парни? Ваш корабль вон там!» Мы посмотрели на другой сухой док, который был правее, и все, что мы увидели, это был радар.» Просто это был такой маленький корабль... Мы смотрели на *Samuel B. Roberts*, потом на крейсер, потом опять на *Samuel B. Roberts* и так далее.

И вы сразу отправились на корабль?

Мы со своими вещевыми мешками поднялись по трапу, отсалютовали флагу, потом вахтенному офицеру. Нас отвели в столовую и дали заправиться. Затем нас отвели в кают-компанию, чтобы представить командиру корабля Коупленду (R.W. Copeland). Он спросил: «Эти ребята получили содержание?» Услышав отрицательный ответ, он сказал: «Пускай каждому из них выплатят по 10 долларов, и дайте им увольнительную на вечер.» Мы не провели на корабле и пары часов, нам даже еще не показали наши койки, а нам уже дают увольнительные!

Это расположило вас к Коуплэнду?

Мы решили, что он – чудо, а не человек. Он говорил нам, что мы должны стараться. Он был классным командиром.

Роберт Коуплэнд (1910-1973)

Пока вы находились в Бостоне, должно быть, у вас начало формироваться мнение об офицерах и команде?

Да, конечно. Как только мы начали выходить в море, команда начала спланиваться. Она была великолепной. Коуплэнд большое внимание уделял обучению в таком плане, чтобы мы были готовы ко всему.

Эсминец Samuel B. Roberts

Сколько учебных тревог у вас могло быть в один день?

Коуплэнд мог объявить тревогу в любой момент. В этот момент ты мог быть на вахте – мой боевой пост *Sky-1* был у 20-мм пушки правого борта ближе к носу – и тут вахтенный офицер мог неожиданно прокричать «*Sky-1*, учебная боевая тревога. *Sky-1*, заряжай. Наводи на пикирующий бомбардировщик по правому борту.»

Боевая готовность объявлялась для всего корабля – *всем занять боевые посты*. А стреляли мы по буксируемым матерчатым рукавам.

Как-то в море мы столкнулись с китом. Тогда мы подумали, что нас торпедировали. Я заправлял свою койку, и в этот момент весь корабль встряхнуло так, будто в него попала торпеда. Это кит врезался в нас – *бум!* Я побежал на палубу вместе с остальными парнями, нацепив на себя спасжилет. Тут мы увидели кровь и куски мяса на юте. Потом мы встали в сухой док, чтобы отремонтировать вал и винт. Наш корабль ранее был выкрашен для несения службы в Атлантике, но корабли были больше нужны на Тихом океане, так что он был перекрашен. После этого мы взяли курс на Панамский Канал.

Какие специфические шаги предпринимал Коуплэнд, чтобы создать на корабле нужную атмосферу?

Он был хорошим командиром, который требовал совершенства от офицеров и команды. Думаю, у нас были отличные офицеры – каждый из них был классным парнем. Они были суровы, их нужно было уважать, но это было частью общего дела. Они обращались с нами так, как нужно.

В команде были ребята со всей страны?

Да. Большинство было с Восточного побережья, некоторые с Запада. Когда ты приходишь на корабль, и неважно, большой он или маленький, - это твой корабль, и ты гордишься им. Идешь в город и всем говоришь, на каком ты корабле служишь. Ты горд тем, что состоишь в его команде.

Было ли прохождение через Панамский канал грандиозным приключением для вас?

Это было восхитительно. Припоминаю две вещи. Одной было то, как армия охраняла его. Это было очень важным делом. Можете себе представить, если бы нам пришлось обходить Южную Америку или Индию? Шлюзы были потрясающими. Проходя по ним, мы видели всюду и везде зенитные орудия и патрулирующие небо самолеты.

Что вам вспоминается о походе из Бостона в Пёрл-Харбор?

Когда мы вышли в Тихий океан из Панамского канала, что-то произошло. Мы смотрели на [окружающие нас] воды, стараясь найти японцев. Теперь мы и в самом деле были на войне. А по пути из Бостона на юг вдоль побережья ничего не случилось. Теперь я стоял на палубе, нес свою вахту, вглядывался в просторы Тихого океана и, скажу я вам, вглядывался я с куда бóльшим вниманием по сравнению с тем, как это было в Атлантике. Вот там началась наша война, теперь мы были на ней...

Некоторые из нас говорили об этом чувстве, о том, что теперь все ощущается по-другому. В ту минуту, когда мы покинули Бальбоа/Balboa, я стал ценить свою службу совсем по-новому.

Вы рвались в бой?

Ну, не знаю, что сказать. Мы знали, что у нас есть работа, которую мы должны выполнить. Еще одну вещь я заметил после того, как вошли в тихоокеанские воды: наша боевая подготовка стала интенсивнее. Стало больше тренировок. У нас оставалось мало времени на то, чтобы расслабиться. Ты четыре часа на вахте - восемь на другое, четыре – восемь... Но «другое» не означало, что ты отдыхаешь. У меня была работа [по техобслуживанию] катера.

А вы Коуплэнда каждый день видели?

Он был на командирском мостике или на командном пункте большую часть дня. Тем не менее время от времени он проходил по палубе. Помню, как один раз мы ошивались на палубе свободными от вахты и просто трепались, когда он подошел к нам. Он сказал: «Привет, парни. Спокойно. Вольно. Как у вас, парни идут дела сегодня вечером?». Он не стал нажимать на формальную сторону дела.

Как вам вспоминается Пёрл-Харбор?

Мы пришли туда в конце июня. Само собой, в первый визит у нас из головы не уходило то, что случилось там 7 декабря 1941. Все на палубе притихли, когда просто оказались там, где началась война. Все, что вы слышали, - это то, как струилась вода вдоль бортов... Что касается последствий того разгрома, который случился 7 декабря, то тогда уже можно было разглядеть совсем немного. Я помню только множество кораблей, самые разные корабли – авианосцы, крейсера, эсминцы. Должно быть, там было 50 или 60 эсминцев. Для меня это было первым указанием на то, какие мощные силы здесь концентрируются.

Кто-нибудь говорил о том, что ни при каких обстоятельствах японцы не смогут одолеть вас?

Мы были настроены вполне позитивно по отношению к тому, что идет война, по крайней мере, со мной было так. Я не думал, что впереди нас ждет слишком много сражений.

Рвались ли вы в бой?

Не думаю, что я рвался в бой, но я был готов к нему. парни в моем расчете, расчете орудия 41, по-серьезному подходили к своим обязанностям. Мы были готовы выполнить свой долг, что бы нам ни пришлось делать. За месяц до того, как наш корабль был потоплен, меня перевели на гидролокатор.

Ну а команда как ждала вступления в бой – с нетерпением?

Думаю, многие ждали этого с нетерпением, среди них были некоторые, кто потерял на войне родственников. Я не сгорал от нетерпения, но в глубине души мне было интересно, каково это, - подвергнуться воздушной атаке или нападению подводной лодки. Никто и не думал о большом надводном сражении! Никому и в голову не приходило, что это возможно. Эскортные эсминцы строились, чтобы защищать другие корабли от подводных лодок и самолетов противника. Мы даже и не думали о том, что когда-нибудь окажемся под сильным огнем японских кораблей.

Не захватывало ли у вас каким-то странным образом дух от того, что вас ждет бой?

О, да, было такое. Моя койка была у правого борта, в передней части корабля. Я лежал, прикладывал ухо к корпусу и слушал, как мимо струится вода. Иногда я думал о том, что случится, если в нас попадет торпеда, но большую часть времени я был слишком занят, чтобы думать об этом...

Что вам больше всего понравилось на Гавайях?

Океан был таким красивым... Кроме того, на меня произвела впечатление [сконцентрированная там] огневая мощь. Еще я гулял по пляжу Вайкики, и был под впечатлением. Когда-то по нему могли гулять только богачи.

Но мы не так долго оставались в Пёрл-Харборе. Там мы постреляли по матерчатому конусу, который буксировал самолет. Мы также приняли участие в учениях с участием американских подводных лодок. Мы уходили в море утром и возвращались ближе к вечеру.

Потом мы получили приказ занять место в конвое с другими эскортными эсминцами, в котором было 15-20 кораблей. Он отправлялся на остров Эниветок/Eniwetok в архипелаге Маршалловы острова. Это был наш первый конвой, поход занял где-то неделю. В это время у нас был контакт с подводной лодкой. Одним вечером, никто еще ничего узнать не успел, а парни уже начали скатывать *консервные банки (глубинные бомбы - ВК)* с кормы корабля. Мы сбросили около 10-12 глубинных бомб, и корабль встряхивало, когда они взрывались. Мы не получили подтверждения тому, что лодка была уничтожена.

Появилось ли у вас такое чувство, что теперь все серьезно, типа того, что появилось у вас, когда вы вышли в Тихий океан?

О, да. Теперь мы знали, что мы в зоне боевых действий. После того контакта это чувство было с нами. Моя реакция не была такой, что в нас могут попасть в любую минуту, нет. Больше оно походило на то, что мы идем на врага, что это наш шанс, что это здорово и что мы будем стрелять в него. И что наша задача – прикрыть другие корабли, которые находятся здесь.

Проводил ли Коуплэнд тренировочные занятия, пока вы шли в конвое?

Да. Он это делал постоянно. Мы не возражали, потому что знали, насколько это необходимо. Потом мы дней на пять вернулись в Пёрл-Харбор, а затем уходили в море в составе других конвоев. В итоге нам сообщили, что мы теперь являемся частью 7-го Флота [юго-западная часть Тихого океана]. Переход туда занял у нас 10 или 11 дней. В этом походе у нас была *церемония пересечения экватора (crossing the line ceremony – формально связана с пересечением экватора - ВК)*.

Вы можете рассказать о ней?

Те парни, которые числились *салагами (pollywogs)*, становились *морскими волками (shellbacks)*. Пока ты *салага*, ты вообще никто. И эта церемония посвящения была крутой, именно крутой! Парень, нас хорошо обработали. В экипаже было человек 20 *волков*. На время церемонии тех, кто проходил ее, на боевых постах подменяли *волки*. Да, парень, это было нечто!

Заняло это целый день. Меня и еще одного парня заставили лечь на живот и ползти на нос, толкая перед собой картофелину (*обычно это делалось лбом*). До этого нам пришлось одеть теплые бушлаты. Добравшись до носовой части корабля, нужно было найти горн и подудеть в него. Далее нам предстояла встреча с *королевским цирюльником (royal barber)* и *королевским дитятей (royal baby – обычно кто-то из старослужащих моряков поздравнее)*. Цирюльник стриг тебя наголо, дитятя «похлопывал» веслом по спине. Еще нас постоянно поливали из шлангов.

Последним этапом была матерчатая труба длиной в 50-60 футов. В нее засыпали мусор, собранный за последние 4-5 дней, и тебя заставляли проползти по этой трубе на четвереньках. Пока ты полз, тебя «похлопывали» веслом. Пройдя через это, ты становился *морским волком*.

А это на всех кораблях было стандартной процедурой?

Да.

Были ли случаи, когда кто-то записывал зуб на кого-то из-за этого и проявлял агрессию по отношению к обидчику?

Да. В самом деле, пара ребят начали драку, но ее быстро прекратили. Вообще, это было хорошим развлечением. Команда и по Коуплэнду прошлась веслами, но так, слегка... Командир нашего дивизиона в тот момент был у нас на корабле, так один из волков сшиб его фуражку в воду! Вообще, один малый отказался от прохождения посвящения в волки. С той поры он оказался в полной изоляции. Думаю, он просто испугался тогда. Такой был парень, который часто попадал в неприятные ситуации.

Вы когда-нибудь жалели о том, что не попали на более крупный корабль?

Нет. Попав на *Samuel B. Roberts*, я стал моряком с эсминца - *tin-can man, tin-can sailor* (*моряк из консервной банки - типичное в ВМФ США определение*). Мы были гончими псами флота. Если перед флотом стоит какая-то задача – зовите эсминцы. Именно так я ощущаю это и по сей день. Каждый из таких как я хранит это чувство...

Вы помните, как пришли в залив Зееадлер/Seeadler?

Просто огромная гавань! Куда ни взглянешь – всюду корабли, не только они, но и транспортные суда, сотни и сотни.

Какой был ваша реакция, когда Коуплэнд сказал вам всем привести личные дела в порядок?

Я помню, как он сказал что-то об этом по громкой связи, - написать письма домой и т.п. Мы знали, что отправляемся куда-то. Пошел слух, что это будут Филиппины. Эта новость сильно на меня повлияла. Ну, написал письмо, да разве в нем многое скажешь...

Расскажите о тайфуне, который пронесся, когда вы шли к Филиппинам.

Это было нечто! В это было невозможно поверить! Я был на вахте в полуденное время, и, когда я добрался до своего поста *Sky-1*, корабль оказался в ложбине между двумя волнами, - казалось, по обе стороны от него были стены воды высотой

с нашу радарную мачту. Коуплэнд приказал всем уйти закрытые помещения. Корабль мотало с борта на борт и с носа на корму, мы цеплялись за все, что можно, что пробраться внутрь. Волны перекатывались через нос, и мне казалось, что у меня на лице выросла корка соли в два дюйма толщиной...

В итоге, мы забрались вовнутрь и задраили двери. Ближе к вечеру и вечером нас качало так, что мы не могли лежать на наших койках, а столовая была закрыта, потому что приготовить что-то было невозможно. Если бы ты стоял на палубе, и, скажем, корабль накренился бы на правый борт, ты бы мог стоять прямо на обшивке корпуса... Потом корабль кренился на в противоположную сторону. Любой парень сказал бы вам вот что: мы чувствовали, что корабль собирается перевернуться. Все верещали, это было ужасно! Это продолжалось два дня, парней скрутила морская болезнь. Нас швыряло и колотило обо все, что только можно, но наш кораблик выдержал испытание.

Носовое 5-дюймовое орудие повернули в сторону левого борта, чтобы уменьшить риск повредить его, а саму башню со стороны правого борта помяли обрушивающиеся на нее тонны воды. Мы слышали о том, что с нескольких эскортных авианосцев смыло самолеты. До этого тайфуна ничего более страшного со мной не случилось. Поразительно, но в нашей группе кораблей, разбросанной на многие мили, не случилось ни одного столкновения. Как нам это удалось, ума не приложу...

Когда вы впервые заподозрили, что что-то должно вот-вот случиться близ острова Самар?

В ночь перед этим мы знали, что что-то происходит, хотя и не имели представления о том, что сражение приближается к нам. Мы видели вспышки и слышали грохот со стороны пролива Суригао/Surigao. Сначала мы было подумали, что это – молнии.

Я как раз покидал свою вахту, когда прозвучал сигнал боевой тревоги. Мой боевой пост был у 40-мм орудия, расположенного в носовой части, перед мостиком. Коуплэнд объявил по громкой связи: «Парни, большие силы японцев приближаются к нам, они в 18 милях. Мы уступаем им в численности, но мы выполним свой долг.»

Моя вахта длилась с 4 до 8 утра, и, когда прозвучал сигнал тревоги, я подумал: «Боже мой, это на нас идет японский флот.» Парень, мы были ошеломлены! Мы не могли в это поверить. Мы были так молоды, что, когда услышали о том, что до них 18 миль, подумали, что сможем легко оторваться от них. Затем рядом с нами упали их [первые] снаряды, и мы осознали всю серьезность ситуации. Снаряды, пролетавшие у нас над головами, гремели, как товарные составы. Нас поливало брызгами от падающих в воду совсем близко снарядов. Я подумал, что они целились в [эскортный авианосец] *Gambier Bay*. Через 10 минут мы впервые разглядели приближающиеся к нам мачты...

Адмирал Спрэйг дал сигнал поставить дымовую завесу. Мы дважды обошли вокруг авианосца *Gambier Bay*, чтобы закрыть его дымом. Затем мы построились для торпедной атаки. Наш корабль был непосредственно за эсминцами *Hoel*, *Heermann* и *Johnston*. [Вражеские] снаряды падали совсем близко и очень красочно взрывались. Один снаряд попал нам в носовую часть, прошел корабль насквозь и разорвался в воде. Мы сблизились с [японским] крейсером на 4 500 ярдов и выпустили три *рыбки* (торпеды - ВК). Я находился чуть позади от носа и все хорошо

видел. Одна из торпед оторвала крейсеру корму, и мы стали кричать от радости так, словно были на бейсбольном матче, хотя страх не покидал нас.

Мы вступили в [артиллерийскую] дуэль с крейсерами, ведя огонь из наших 5-дюймовок. Коуплэнд делал все возможные маневры, чтобы избежать попаданий. Наш 5-дюймовый снаряд попал в надстройки крейсера, но он не мог нанести ему большого ущерба. Потом в наш корабль угодили два тяжелых снаряда, всего было 26 попаданий. Мы за два с половиной часа выпустили 600 5-дюймовых снарядов, израсходовали обычный боезапас снарядов и были вынуждены стрелять осветительными. Запах горящего кордита был повсюду, все было задымлено. Японские корабли были так близко, что мы могли видеть, как поворачиваются их башни.

Надеялись ли вы выжить?

Это был наш первый бой, и сначала я думал, что выживу. Через несколько минут я уже думал по-другому. За следующие 45 минут они подошли к нам настолько близко... Когда Спрэйг приказал нам атаковать японские корабли в лоб, я знал, что мы в беде. Я слышал, как мои товарищи говорили: «Они сильнее! Это крейсера, а мы всего лишь эсминцы эскорта, и нас уже помяли.»

Но ты гонишь от себя эти мысли и идешь в бой. Ты становишься слишком занятым боем, чтобы непрерывно думать о том, что в тебя попадут и тебя убьют. К середине боя, когда эти японские корабли были уже так близко и когда мы получили попадания ближе к корме, мы поняли, что дело плохо. Японский крейсер был от нас в 8 000 ярдов, и мы видели, как он стрелял именно в нас. Мы видели, как они опускают стволы орудий и как башни поворачиваются в нашу сторону! Мы были мишенью и чувствовали себя чрезвычайно уязвимыми. Сам я сидел за носовым 40-мм орудием перед мостиком сразу за 5-дюймовым орудием и чувствовал себя совершенно беззащитным.

Снаряды продолжали падать рядом с нами и попадать в нас. Я помню снаряд, который прошел через нашу носовую часть и сильно встряхнул корабль. Мы чувствовали, как тяжелые снаряды подбрасывают раскачивают эсминец, но мы не могли оставить наши боевые посты, чтобы оглядеться. Я думаю, Спрэйг проделал отличную работу, защитив свои авианосцы и отправив нас в бой с японцами. Это было нашей работой, это было то, что от нас ожидалось. Мы были расходным материалом, и все дело было в этом...

Расскажите, как вы оказались в воде.

Кто-то с мостика прокричал: «Покинуть корабль! Покинуть корабль! Всему экипажу покинуть корабль! Каждый за себя!» Я никогда особенно не беспокоился о собственном выживании и не думал об этом до того момента, пока не пришел приказ покинуть корабль. Теперь я знал – все это по-настоящему.

Когда мы услышали приказ, Бад Комет (Bud Comet), который был в расчете моего орудия 41, сказал мне спускаться вниз, к левому борту, и быть около надувной шлюпки. Я спустился на главную палубу, вышел к левому борту, но там никого не было. Почти 99 процентов экипажа сошли с правого борта, который был повыше. В левом борту у нас была пробоина, и в эту сторону кренился корабль.

Пока я стоял и ждал, в корабль продолжали попадать снаряды. Один парень, кок 3-го класса, подошел и сказал мне, что нам стоит убраться отсюда поскорее. Я попросил его подождать еще минуту, потому что ждал, что Комет разрежет троса, которыми был закреплена шлюпка. Тут мы увидели парня, который шел со стороны кормы вдоль левого борта по направлению к нам. Он приблизился ко мне, и я увидел, что на месте его руки до плеча ничего не было. Он просто прошел мимо меня и кока. И по сей день я не знаю, кто был этот парень...

В конце концов я глянул вверх – шлюпка была все еще там. Кок и я прыгнули в воду, но воду засасывало в пробоину в борту корабля, и нас туда тоже стало тянуть. Мы были рядом с горящей нефтью, так что кок и я напрягли все силы, обогнули горящую нефтяную лужу и поплыли в сторону кормы. Там мы оказались в полном одиночестве. Я не снял свои башмаки, когда оказался в воде. Нам когда-то говорили, что их лучше оставить, потому что акулы ориентируются на белые ступни ног.

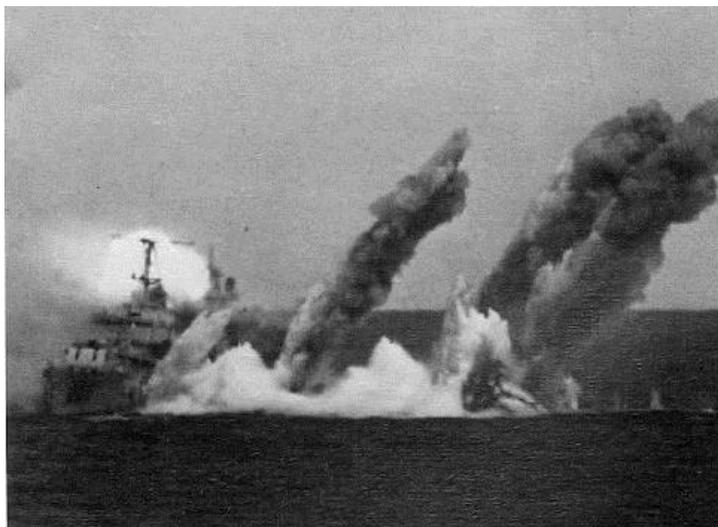
Я посмотрел на корабль, и увидел, что орудия разбиты, торпедные аппараты снесены, просто ничего не осталось. «Боже мой, от корабля осталась только половина,» - сказал я. Минут через 20 в поле зрения появился Бад на надувной шлюпке. С левого борта ушли с корабля только кок, Бад, я и еще двое-трое парней, которых Бад подобрал из воды.

Вы видели, как люди ушли на дно вместе с кораблем?

Да. Когда мы покидали корабль, я видел, что двое парней сидят у борта, поджав колени. Не думаю, что они были ранены. Они просто сидели. Не знаю, может они были контужены взрывами или получили травмы, но они просто сидели и ушли под воду вместе с эсминцем. Другие, те, кто был ранен и не мог сдвинуться с места, тоже ушли на дно.

Какой была ваша реакция, когда вы увидели, как ушел на дно корабль?

Мы смотрели, как корабль ложится на левый борт, как поднимается вертикально вверх корма и как он уходит под воду. «Вот и все,» - подумал я.

Эсминец Samuel B. Roberts в последние минуты...

А что случилось потом?

Мы поплыли к надувной шлюпке, которая находилась метрах в 100 от корабля. Минут через 10 к нам присоединился Бад Комет, на другой шлюпке. Мы привязали шлюпку Бада к той, которая подобрала нас и попытались установить что-то наподобие порядка. Потом мы пробудем на шлюпке почти 60 часов. В воде вокруг нас и на шлюпках было человек 50-60. В шлюпки поместили раненых. Мы думали, что нас подберут через какие-то минуты, но этого не случилось...

Наш корабль затонул минут через 15-20 после того, как я добрался до шлюпки. Он ушел на дно в одно мгновение – даже пузырьков не осталось. С ним ушли на дно мои деньги – долларов 60-70, наручные часы, вся моя одежда, сумка с зимними вещами. У меня остался только мой идентификационный браслет. Я по сей день держу его у себя на письменном столе, на нем по-прежнему пятнышки нефти.

Японский крейсер взял курс прямо на нас, но отвернул ярдах в 60. Один японский офицер, это был командир, отсалютовал нам, и корабль прошел мимо. Был там еще парень, который снимал нас на кинокамеру...

А что было ночью?

Каждый из тех, кто был в воде, помогал соседу, не давая ему заснуть разговорами. Когда зашло солнце, стало страшно холодно, а ветер еще и усугубил ситуацию. Днем все было наоборот: очень жарко. Нефть, в которой мы были вымазаны с ног до головы, помогла нам избежать солнечных ожогов головы.

Мы стали уставать, потому что не ели целый день и прошли через бой. Один раз я задремал, дело было ближе к сумеркам, и меня отнесло в сторону в моем спасжилете, который удерживал головы вертикально. Я был уже ярдах в 100, когда Комет спохватился и стал высматривать, куда я исчез. Он увидел меня, подплыл ко мне и стал будить. Было уже темно, остальные парни стали кричать: «Сюда! Мы здесь!», чтобы мы могли вернуться к шлюпкам.

Как прошел второй день?

Второй день был ужасным. Появились акулы, и мы уже могли разглядеть их плавники. Они ныряли, и, когда не было видно плавников, вы знали – они приближаются к вам. Было такое чувство беспомощности, бесполезности усилий... Во время боя мы хотя бы могли что-то делать. Мы, оказавшись в воде, могли только крутиться, чтобы встретить акул лицом к лицу, пока парни на шлюпках подхватывали нас, чтобы у нас была возможность колотить ногами по воде и поднимать брызги. Акулам это не нравилось, и это, немного срабатывало. Мои ноги так устали, что я уже еле поднимал их. Акулы отступали, потом понемногу возвращались. Двоих парней они погубили. Одному откусили ногу, и мы были вынуждены сбросить его подальше, потому что его кровь привлекала еще больше акул. Его отнесло, и акулы ушли, чтобы покончить с ним. Он отдал свою жизнь за нас, потому что дал нам столь необходимую передышку...

Акулы также следовали за шлюпками, потому что чувствовали запах крови раненых. Парни говорили: «Вот еще одна на подходе!», когда какая-нибудь акула плыла в нашем направлении. Одна появилась прямо рядом со мной. Она была не меньше 12 футов в длину. Я старался держаться тихо-тихо, потому что не хотел

раздражить ее. Что там говорить о страхе! Я тогда думал: «Вот оно. Больше я никогда не увижу свою семью.»

Как было с едой?

Все, что у нас было, - это солодовые таблетки. Ни воды, ни еды. Нам пришлось говорить парням не пить морскую воду. Начинаются галлюцинации, потом умираешь. Специально никто не пил, но волны плескались, и, заснув, мы набирали полный рот. Кто-то начал тыкать в других ножом, и один из нас сказал, что лучше выбросить все ножи. Так мы и сделали. Мы отобрали ножи у тех, кто начал резать других. Из раненых, что были в наших шлюпках, умер только один – парень, у которого были сильные ожоги. Он очень страдал...

Находясь в воде, мы старались двигаться в сторону суши. На второй день мы увидели какие-то горы вдалеке и подумали, что сможем до них добраться. Мы до них не добрались, и слава богу, потому что там было полно японцев.

Были ли моменты, когда вас покидала надежда?

После второй ночи у меня было чувство, что я не протяну еще 12 часов. Было зверски холодно, не было воды, еды, лекарств. Мы были обессилены. Парни пили соленую воду и галлюцинировали. Они говорили, что уйдут под воду, чтобы *стать счастливыми/to get beans*. Ситуация стала выходить из-под контроля. Люди стали злее, потому что никто не торопился на спасать. Кто-то рыдал, кто-то молился, кто-то пел псалмы. Я молил Бога, чтобы он дал мне возможность снова увидеть мою семью. В последнюю ночь мы совсем ослабли и чувствовали, что нас покидают последние силы. Мы были еще детьми, в хорошей физической форме, но к такому мы не были готовы. Мы сообразили, что спасательные мероприятия сфокусированы на авианосцах и что мы находимся в стороне от проторенных путей, что нас труднее найти. Парни с *Gambier Bay* и *St. Lo* (*потопленные в том же бою эскортные авианосцы – ВК*) оказались примерно в одном месте, но далеко от нас...

Как же вас спасли?

Я начал терять надежду после ужасного второго дня. На третье утро я думал о том, что не продержусь еще один день и еще одну ночь. И тут, в то утро, кто-то закричал: «Там корабль!» парень по фамилии Чэмблесс (Chambless) встал в шлюпке, другие поддерживали его. Он стал размахивать какими-то цивильными тряпками. Судно подошло к нам, и мы увидели американский флаг. Какое это было чувство! Он подошел поближе, и мы услышали заданный через мегафон вопрос: «Кто выиграл мировой чемпионат (*World Series – речь идет о бейсбольном первенстве, разыгрываемом среди североамериканских команд*). Вымазанные в нефти, мы могли оказаться и японцами, но мы все дружно заорали: «*St. Louis*, черт побери!»

Первым делом мы отправили на борт всех раненых, потом забрались туда сами. Нам пришлось карабкаться на борт этого госпитального судна по длинному трапу, а мы ослабли настолько, что я еле-еле добрался до верха. Меня подхватили медсестра и два санитаря, после чего я потерял сознание. Я открыл глаза через шесть или семь часов – мы уже были в заливе Лейте. Пока я спал, нас атаковали два японских самолета. Наш огонь отогнал их, но я проспал все это. Меня перевели на армейское госпитальное судно, стоявшее в гавани. Большую часть нефти с меня

смыли под душем, но и потом она выходила у меня из ушей и изо рта целый месяц...

Когда нас подобрала и когда мы узнали о том, чем кончилось сражение и что японцы отступили, мы были разгневаны. Где, черт возьми, были спасательные суда? Где были наши корабли из боевой группы *Taffy 3*? У нас были кое-какие недобрые чувства по отношению к Спрэйгу, но не так уж и много.

Спасение моряков с эсминца Samuel B. Roberts

Когда вы поняли, что спасены?

Наверное, когда мы увидели идущее в нашу сторону судно и его флаг. Ночью, когда меня перевели на госпитальное судно, я чувствовал, что все обошлось. Парни с того судна, которое подобрало нас, сняли с нас одежду, чтобы смыть нефть, потом завернули нас в одеяла. На другой день на госпитальном судне нам раздали одежду.

У меня на ногах соль разъела кожу, уши были забиты нефтью, но этим все и обошлось.

Что было потом?

Я провел два дня на госпитальном судне, а потом меня отправили на Новую Гвинею, где я провел два дня в армейском лагере. Бывший роскошный лайнер *Lurline* перевез нас в Австралию. Оттуда за 14 дней без остановок мы добрались до Сан-Франциско безо всякого эскорта. К тому моменту, когда я вернулся в Сан-Франциско 1 декабря 1944 года, мой вес был уже 69 кг против 46 кг после спасения. За два дня до прибытия в Сан-Франциско мы все встретились с Коуплендом. Он

сказал, что хочет получить другой корабль, и мы сказали ему, что хотим быть с ним, но вместо этого нас оставили служить на берегу.

Джоу Леччи (Joe Lecci) из Бруклина погиб в том бою. Он просил меня увидеть его жену, если с ним что-нибудь случится. Когда я побывал дома, в отпуске, я увиделся с его братьями и женой. Она была беременна и не сумела спуститься вниз из своей спальни: настолько она была угнетена. Леччи был коком и был мне как старший брат... Я провел дома где-то неделю, после чего посетил его семью. Они меня на руках носили, угощали, поили и все такое. У него было три брата, тетки, дядья и кузены – все пришли, когда я наносил этот визит. Все три брата пришли увидеться со мной. Его боевой пост был у левого борта. Тот снаряд попал прямо в ту часть корабля, где он находился, но я не знаю, что убило его. Семье я сказал, что он умер мгновенно. Ему, должно быть, было около 27 лет.

Где-то в 1994-м мне позвонил его сын, Джоу Леччи-младший. Он приехал в Сиэтл, и мы встретились. Я вошел в лобби [отеля] и сначала подумал, что Джоу воскрес из мертвых...

Что для вас означает ваше участие в том сражении?

38 лет я мало что рассказывал об этом. Моя семья, друзья и т.д. знали, но я старался не вспоминать все это. Для меня это полностью ушло в прошлое, пока я не узнал, что именем Коуплэнда собираются назвать корабль. Это дал новое начало. Все, кто выжил тогда, знали, как дрались Коуплэнд и его корабль в том сражении, и я тоже гордился тем, что мы не отступили и тем, что нам удалось сделать. Мы решили собраться вместе и присутствовать при спуске корабля *Copeland* на воду. В 1980-м мы основали *Ассоциацию Выживших с [эсминца] Samuel B. Roberts/Samuel B. Roberts Survivors' Association*. На первом слете присутствовал 41 человек. Нам было, что рассказать, и мы хотели сделать это должным образом...

Тот экипаж состоял из прекрасных парней. Офицеры были исключительными людьми, а командир был суров, но справедлив. Когда началось сражение, каждый делал свое дело. Встретив тех, кто выжил 38 лет спустя, я узнал, что все они прожили достойную жизнь, у всех есть прекрасные дети, замечательные жены. Это было одной из тем, на которые мы всегда говорим друг с другом – мы выжили, и теперь мы хотим жить, как нужно, заботиться о семьях, идти верным путем...

Джек Юсен в последние годы жизни

Интервью - John Wukovits

<https://warfarehistorynetwork.com/2017/03/15/the-battle-of-leyte-gulf-interview-with-jack-yusen/>

Перевод – Владимир Крупник

Автор перевода благодарит:

- Николая Давыдова (Москва) за редакцию статьи

- Сэнди Мартина (Sandy Martin, Канада) за ценные советы по переводу

Возврат к главной странице www.warsstory.org